

СВЯТКИ.

Слово „святки“.—Колядки.—Щедровки.—Гадания.—Игра въ колючко.—Переряживание.—„Исполнить законъ“.—Звѣзда.—Елка.—Старинныя увеселенія.—Выпозованье.—Вертепъ.—Кулачные бои.

Промежутокъ времени отъ кануна праздника Рождества Христова и до Крещенія въ народѣ носятъ названіе святокъ. Время это было священно еще въ глубокой древности, до принятія христіанства. Въ концѣ декабря рускіе славяне праздновали рожденіе бога солнца, верховнаго покровителя семейной жизни и земледѣльческаго труда. Христіанскій праздникъ Рождества Христова совпалъ по времени съ языческимъ празднованіемъ повернувшего на лѣто солнца.

Новорожденного солнечнаго бога встрѣчали жертвоприношеніемъ, остаткомъ котораго являются рождественскія колбасы, и привѣтствовали молитвенными пѣснопѣніями, остаткомъ которыхъ служатъ современныя колядки и щедровки. Восточные и южные славяне до сихъ поръ встрѣчаютъ праздникъ Рождества Христова колядками, въ которыхъ прославляются небесныя свѣтила. Колядки сохранились потому, что въ содержаніи ихъ много истинно

благочестиваго, человѣчнаго и сердечнаго. Онѣ проникнуты теплымъ религіознымъ чувствомъ. Въ нихъ прославляется величіе Творца вселенной и возносятся къ небу моленіе о ниспосланіи урожая.

Колядки вѣкогда были извѣстны и германскимъ народамъ. Въ Англіи ихъ пѣли еще при Шекспирѣ. Но мало по малу въ западной Европѣ колядованіе вышло изъ употребленія. Въ старинной Польшѣ колядованіе было однимъ изъ источниковъ королевскихъ доходовъ. Въ грамотѣ Сигизмунда I отъ 1511 г., данной жителямъ Новогродка, читаемъ: „Мѣщане каждый годъ мають давать до скарбу нашего 50 злотыхъ, а коляды и волочебнаго не мають на замокъ нашъ давати, подле давнаго обычая *). Въ Великороссіи колядованіе сохранилось лишь въ немногихъ мѣстностяхъ, напимѣръ, въ псковской губерніи. Въ Бѣлой Россіи именемъ коляды обозначаютъ преимущественно вечеръ 24 декабря и всю ночь подъ 25-е, также вечеръ стараго и канунъ новаго года, гораздо рѣже первый день Рождества. Именемъ коляды обозначаются не только извѣстные дни,

*) Труды кievск. духовн. акад. 1871 г. IX. 597.

но и пѣсни, кушанья, дары духовенству, сценическія игры, однимъ словомъ, все относящееся къ этимъ днямъ. Въ большей части Малороссіи колядуютъ наканунѣ Рождества. Въ харьковской губерніи мѣстами начинаютъ колядовать наканунѣ рождественскаго праздника, мѣстами въ первый день. Послѣднее обыкновеніе объясняется ослабленіемъ древняго обычая, очевидно склоняющагося къ полному уничтоженію *).

Въ рождественскихъ пѣсняхъ мило-сердное и сострадательное божество нисходитъ на землю, посѣщаетъ бѣдныя людскія жилища и щедрой рукой раздаетъ довольство и счастье. Солнце обнаруживаетъ родительскую заботливость о крестьянскомъ домохозяйствѣ. Мѣсяцъ дружелюбно разговариваетъ съ людьми и открываетъ имъ, въ какой хатѣ въ предстоящемъ году будетъ свадебное веселье. Добрый молодецъ колядокъ не простой парубокъ, но богатырь, пренебрегающій воронными конями и червонцами и любящій только

*) О колядованіи наканунѣ Рождества говоритъ Головацкій въ III т. Сборн. пѣс. Галиц. и Угор. Руси стр. 531; Купчанко во II т. Зап. юго-западн. отд. зап. геогр. общ. стр. 349; Zvegota Pauli въ „Piesni ludu“ т. I стр. 1. Въ Сербіи колядуютъ наканунѣ Нового года (Вук. Караджичъ. Српски Pjertnik. 235).

ко дѣвушекъ-красавицъ. Крестьянскій дворъ окружонъ бѣлокаменными стѣнами. Въ хатѣ столы накрыты дорогими коврами; на столахъ стоятъ кубки, наполненные виномъ. Подарки, которые парень даритъ любимой дѣвушкѣ, обладаютъ необыкновенными свойствами: золотой перстень сіяетъ огнемъ; нитки крупнаго жемчуга тяготеютъ бѣлую шею; шолковое платье при движеніи красавицы замечаетъ пыль. Пѣсня уноситъ мысль деревенскаго бѣдняка куда-то далеко, далеко, гдѣ и свѣтло, и тепло, и уютно. Она ласкаетъ воображеніе призракомъ богатства и счастья. Угнетенные и удрученные въ очаровательномъ мірѣ праздничной пѣсни находятъ утѣшеніе; озлобленные и ожесточенные—успокоеніе. Горе, вылившееся въ пѣснѣ, дѣлается полугоремъ, и міръ, представленный черезъ призму поэзіи, получаетъ новую привлекательность.

Наканунѣ Новаго года, вечеромъ, въ селахъ молодежь поетъ подъ окнами зажиточныхъ домохозяевъ особаго рода пѣсни, щедровки, которыя по размѣру и по содержанію отличаются отъ колядокъ. Въ содержаніи щедровокъ встрѣчаются такія же древнія мифологическія черты, какъ и въ колядкахъ,

черты, указывающія на обоготвореніе въ до-христіанское время солнца и на молитвенныя обращенія къ нему. Въ одной щедровкѣ заключается приглашеніе хозяину дома встать скорѣе съ постели и идти на встрѣчу дорогимъ гостямъ; гости не простые: ясный мѣсяцъ, свѣтлое солнце и мелкій дождь. Они усѣлись за столомъ и начали хвалить своими заслугами. Какъ взойду я на небо, сказалъ мѣсяцъ, станетъ свѣтло на горахъ и въ долинахъ, звѣрь повеселѣтъ въ полѣ, а путникъ въ дорогѣ. Солнце говоритъ, что съ его появленіемъ на тверди небесной, начинаетъ радоваться весь христіанскій міръ, въ особенности дѣти. Какъ я пробѣгу въ маѣ мѣсяцъ раза три по нивамъ, замѣтилъ мелкій дождикъ, то вырастетъ хорошее жито и пшеница. Вообще, во всѣхъ рождественскихъ пѣсняхъ, колядкахъ, щедровкахъ, пѣсняхъ подблюдныхъ, хлѣбъ играетъ главную роль, и центръ тяжести всѣхъ пожеланій составляетъ пожеланіе хорошаго урожая. Обыкновенное окончаніе колядокъ и щедровокъ такое:

Зроди, Боже,
Жито, пшеницю,
Всяку пашинцю;
А в полі ядром
А в дворі добром
На поуги гостями.

На полу дѣтми,
А в полі зерняткомъ,
На дворку жеребяткомъ.

Разбрасываніе мальчишками въ Малороссіи (и Сербіи) въ первый день Новаго года хлѣбныхъ зеренъ по домамъ имѣтъ также значеніе пожеланія и символическаго предзнаменованія хлѣбо-го сбора.

Было время, когда гадали старые и малые о предметѣ первостепенной важности,—объ урожаѣ предстоящаго года. Время это давно прошло и быльемъ поросло. Съ теченіемъ столѣтій, съ распространеніемъ въ народѣ христіанскихъ понятій о божественномъ міроуправленіи, кругъ гаданій сужился. Теперь, какъ извѣстно, гадаютъ однѣ только дѣвушки о суженомъ-ряженомъ. Главнѣйшія гаданія перечислены Жуковскимъ въ началѣ баллады „Свѣтлана“.

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали;
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Свѣтъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Скотнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топтали;
Въ чашу съ чистою водою
Клади перстень золотой,
Серги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ тѣмноту
Пѣсенки подблюдны.

Не менѣе многочисленны и разнообразны святочные игры. Замѣчательна игра въ колечко, извѣстная въ народѣ подъ описательнымъ названіемъ „хоронить золото“. Современныя барышни, занимающіяся отъ скуки игрой въ колечко, разумѣется, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, какая сѣдая древность лежитъ на этой игрѣ-обрядѣ и какой нѣкогда заключался въ ней сокровенный смыслъ. Въ хороненіи металлическаго колечка скрывается представление о небесномъ золотѣ, ясномъ солнцѣ, плодотворная сила котораго во время зимы древнему человѣку казалась какъ бы скрытой или похороненной. Кольцо своей круглой формой представляетъ подобіе солнца, служить его символомъ.

Переряживанье—остатокъ языческой игры-обряда. Существуетъ нѣсколько объясненій обычая переряживаться. Большинство изслѣдователей отечественной мифологии держится того мнѣнія, что переряживанье въ животныхъ возникло изъ елани древняго русскаго человека представить образно тѣхъ животныхъ, которыхъ первоначально являлось то или другое бо-

жество. Обыкновеніе это служило обрядовымъ представленіемъ праздничнаго посѣщенія людей богами. Въ архангельской губерніи крестьяне, надѣвавшіе для забавы хари или маски, купаются въ крещенской прорубѣ, чтобы смыть свой грѣхъ.

Изъ массы разнообразныхъ рождественскихъ обрядовъ выдается слѣдующій: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины наканунѣ Новаго года (Меланки) устанавливаютъ комнаты снопами. Снопы кладутся и на самый столъ, а посреди ихъ кладутъ большой пирогъ. Затѣмъ хозяйка ставитъ на столъ все съѣстное, что наварено и нажарено къ Васильеву дню, зажигаетъ свѣчу передъ образами, куритъ ладаномъ и проситъ мужа „исполнить законъ“. Мужъ садится въ переднемъ углу на покути; передъ нимъ куча пироговъ; зовутъ дѣтей; они входятъ, молятся и спрашиваютъ: „дежъ нашъ батько?“, будто бы не видя его за пирогами. „Хиба вы мене не бачите?“ — „Не бачимо, тату!“ — „Дай же, Боже, щобъ и на той рікъ не побачили“. Затѣмъ онъ раздаетъ дѣтямъ пироги.

Въ малорусскихъ городахъ, въ част-

ности въ Харьковѣ, мальчики по вечерамъ, начиная съ кануна праздника Рожд. Христова и до Новаго года, ходятъ по домамъ со звѣздой. Къ длинной палкѣ прикрѣпляютъ рѣшето, открытая сторона котораго обтягивается картинкой, изображающей поклоненіе волхвовъ, или просто цвѣтной бумагой; задняя, глухая сторона решета прорѣзывается и въ средину решета вставляется стеариновый огарокъ, по бокамъ решета нѣсколько картонныхъ отводковъ, обклеенныхъ цвѣтной бумагой. Мальчики зажигаютъ свѣчу, отчего звѣзда получаетъ довольно эффектный видъ, и отправляются подъ окна домохозяевъ пѣть пѣсни. Пѣсни раздѣляются на серіозныя, духовныя и веселыя, шутивыя, причомъ послѣднія поются въ случаѣ щедраго подарка. Полученныя отъ домохозяевъ деньги кладутъ въ коробочку съ прорѣзаннымъ на верху отвѣрстіемъ и потомъ дѣлятъ ихъ поровну. Обыкновеніе ходить со звѣздой было въ прошломъ столѣтіи и, вѣроятно, римско-католическаго происхожденія.

Обычай устраивать на рождественскій праздникъ елку заимствованъ въ

началѣ нынѣшняго столѣтія изъ Германіи и привился въ высшихъ и среднихъ классахъ общества.

Въ старинное время городскіе обыватели въ рождественскій праздникъ находили развлеченіе въ виншваніяхъ семинаристовъ, вертепныхъ представленій и кулачныхъ бояхъ.

Бѣдняки изъ семинаристовъ, даже студенты высшихъ классовъ, въ большіе праздники, въ особенности на Рождество, ходили съ торбами и горшечками по городу, становились толпой подъ окнами или на дворѣ и начинали пѣть хоромъ псалмы и канты, испрашивая подаеніе, которое и получали отъ сердобольныхъ хозяевъ и хозяекъ. Богатымъ людямъ они пѣли особые, заранее составленные, хвалебные стихи, или, какъ говорили въ прошломъ столѣтіи, виншвали, т. е. поздравляли ихъ.

Вертепъ—подвижной домикъ въ два этажа, сдѣланный изъ тонкихъ досокъ и картона. Посредствомъ куколъ разыгрывалось Рождество Христово. Каждая кукла была прикрѣплена къ проволоку; конецъ проволоки находился подъ поломъ; за этотъ конецъ, придержи-

вая куклу, содержатель вводилъ ее въ дверь и водилъ по направленію, какое для нея необходимо. Разговоръ отъ имени куколъ происходитъ между дьячками, пѣвчими и бурсаками, то пискливымъ голосомъ, то басомъ, смотря по надобности. Обыкновенно разыгрывалось поклоненіе волхвовъ божественному младенцу и избіеніе дѣтей, по приказанію Ирода. Попадаются вставныя сцены, или интермедіи, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются запорожецъ, еврей, цыганъ, причомъ запорожецъ бранитъ и бьетъ еврея. Вертепъ проникъ въ Малороссію изъ Польши и принялъ мѣстныя малорусскія черты. Вертепъ могъ бы развиться въ національную кукольную комедію, но не развился и мало по малу вышелъ изъ употребленія, не оставивъ послѣ себя слѣда.

Кулачные бои чаще всего происходили на льду. Чиновники дрались съ ремесленниками; одна часть города шла противъ другой. Бойцы поражали другъ друга въ грудь, въ лицо, въ животъ—бились жестоко, и многіе выходили изъ битвы калѣками или ложились на мѣстѣ замертво. Случалось,

духовныя лица принимали участіе въ кулачныхъ бояхъ. Въ одномъ городѣ архимандритъ, ректоръ семинаріи выходилъ на битву съ мѣщанами вмѣстѣ съ подчиненными ему учителями и учениками. Епархіальное начальство нашло участіе въ бояхъ ректора семинаріи неприличнымъ и сдѣлало ему выговоръ. Ректоръ оправдывался тѣмъ, что мѣщане разбили ему спину и потому заслуживаютъ отомщенія.

Святочные обряды и пѣсни произошли въ разное время и изъ разныхъ источниковъ. Одни возникли въ глубокой древности, когда русскій человѣкъ поклонялся небеснымъ свѣтиламъ, и частью вышли изъ употребленія, частью выходятъ. Другіе—заимствованы въ XVI—XVII ст. изъ Польши и также устарѣли или уже прекратились. Новыя обычаи, напримѣръ, обычай устраивать елку, сравнительно съ старинными святочными обычаями, отличаются искусственностью, не вызываютъ словеснаго творчества и большею частью приспособлены къ потребностямъ достаточныхъ классовъ общества.

Н. Сумцовъ.